

КАК Я ИСПРАВЛЯЛ УСТАВ

Я имею в виду Устав коммунистической партии, и не лишь бы какой страны, а авангарда мирового коммунистического движения — Советского Союза. Это было время знаменитой (и долгожданной!) Перестройки, конец восьмидесятых. Перестройке подлежали основы всей жизни многострадального советского общества. А поскольку залогом всех наших побед была Коммунистическая партия как основа общества и государства, то и очередную победу над предыдущими бедами должна была организовать она же, а начинать было решено с самой себя, и это было логично.

Коль скоро основой партии (любой) есть ее устав (как у монастырей — помните? — в чужой монастырь со своим уставом не ходят!), то Устав-то и надо перестраивать в первую очередь. И проект перестройки-переделки Устава выставили на обозрение и дискуссию. Вот в этой дискуссии я как действительный член партии решил принять участие.

Конечно, такой (тоже действительный) член КПСС, как некто Леон Оников, который тоже решил высказать свое индивидуальное мнение в этой важной теме, понес свое мнение в редакцию главной партийной газеты «Правда». Я говорю «конечно», потому что Л. Оников, в свое время окончив московский вуз и став молодым специалистом в определенной области знаний, получил направление на работу не лишь бы куда, а в аппарат Центрального комитета КПСС. И к моменту упомянутой дискуссии проработал в этом аппарате двадцать пять лет. С таким стажем накопления новых знаний — только в «Правду» и идти. Членские взносы платишь в Москве — в московскую партийную газету и обращайся, а если я плачу взносы в Одессе, то, соответственно, мне надо в одесскую газету.

Я пошел в «Вечернюю Одессу». Там Борис Деревянко работает, мы знакомы еще по «Комсомольской искре». Ну как знакомы? Я нештатный корреспондент. Принес не помню уже какой материал в родной отдел писем, а Белла Феликсовна мне говорит:

— Тебе в отдел комсомольской жизни, там Боря Деревянко.

Захожу, говорю, как обычно:

— Здрасте!

А он мне отвечает по-украински и приглашает —

— Сидайтэ, будь ласка.

Двуязычная газета перешла на только украинский язык, мой материал, если он пойдет в номер, будут переводить на украинский, незнакомый сотрудник говорит на украинском, и я как обыкновенный (культурный же!) человек продолжаю разговор уже на украинском языке.

Как говорится, каково же было мое удивление, каково же было мое изумление, когда, спустя какое-то время, уходя из редакции и проходя мимо перекура на лестничной клетке, услышал чистейшую русскую речь из уст моего только что украиноязычного собеседника!

Потом мы здоровались при случайных встречах, и лишь через много лет, когда обвалился Советский Союз и лавинообразно рвалась кровеносная система заказов, поставок и денежных взаиморасчетов, и когда пошли с сумой по миру сотни и тысячи предприятий и организаций, мы встретились для предметного разговора с Борисом Федоровичем, уже редактором одесской «Вечёрки», городской газеты, о которой много лет мечтали и которую, наконец, получили одесские читатели и писатели. Предметом нашего разговора были деньги, которые любят сравнивать с талантом, который или он есть, или его нет. Я в то время представлял технический журнал одного из одесских промышленных институтов и искал помощи у братьев-журналистов. Наш журнал еще держался из последних сил своих талантливых сотрудников, но деньги! Деньги быстро таяли, а новых не предвиделось. Деревянко поделился тогда (не деньгами, нет) радостью — «Январка» подарила газете один кран, что-то в миллион рублей. Нам, конечно, не подарит... Хозяин кабинета взял месяц на «подумать».

В редакции «Юга» сразу сказали, что рады бы, да... Нет вопросов, деньги — прах, главное — ясность. В журнале «Одесса» (был тогда такой между Фонтанской и

Люстдорфской дорогами) помогли, чем могли, — разместили (бесплатно) у себя на страницах фотографию обложки нашего издания с (якобы скрытой) рекламой — с номером телефона, по которому можно узнать, куда можно направлять лишние деньги. Конечно, нам никто не позвонил. Через месяц стало известно, что и «Вечёрка» ничего посоветовать не может.

Зато оказалось, что директор нашего НИИ лично знаком с Борисом Деревянко, и давно! Они были соседями еще в Ивановке, и мать школьника Бориса просила нашего тогда еще далеко не директора, но паренька постарше, повлиять как-то на Борю, ну нельзя же с утра до ночи гулять в этот футбол...

А позже как-то директор вызвал меня — познакомить с женой редактора «Вечёрки». Попросил показать ей наш замечательный журнал и рассказать, что она могла бы делать в редакции, если бы решилась с нами работать. Мы, конечно, с радостью и показали, и рассказали, в глубине души лелея надежду, что вот-вот получим в штат давно необходимую дополнительную единицу. Однако то ли отпала нужда, то ли что-то еще, только не сложилось наше сотрудничество. Но теперь, иногда встречаясь со мной в здании издательства, где тогда размещались газетные редакции, Борис Федорович, улыбаясь, спрашивал меня, работает ли еще мой директор, не вышел ли уже на пенсию? Как-то даже добавил: «Или выйдет на эту пенсию только вперед ногами?» Такой вот юмор.

Они могли позволять друг другу такие жёсткие шуточки. Рядышком они пережили в Ивановке фашистскую оккупацию, рядышком с заплаканными женщинами встречали долгожданных наших освободителей, рядом с этими, казалось, двужильными женщинами брали первые послевоенные урожаи... Только как же неправильно, как несправедливо обернулась эта незлобивая, добродушная шутка! Не моего директора, уже давно пенсионера по возрасту, а Борю Деревянко, которому еще жить и жить, провожали в последний, как говорится, путь с последнего места работы, до которого он однажды не дошел.

Это было очень неожиданно для Одессы. «Вечёрка» вышла с портретом Бориса Деревянко в траурной рамке на всю первую полосу, а вторая, третья и четвертая полосы представляли собой такую же рамку, в которую умеренным шрифтом был заключен жуткий текст:

11 АВГУСТА УБИТ БОРИС ФЕДОРОВИЧ ДЕРЕВЯНКО

Деревянко называл себя селуком, чему в русском языке соответствуют выражения «житель села», «деревенский», «деревенщина» тоже — в определенном стилевом контексте. Деревянко называл себя селуком здесь, в городе, давая, видимо, понять, что не собирается скрывать свои корни. Хотя прекрасно знал, отчего это родился оптимистический призыв стирать грани между городом и деревней. Были грани, были. И сейчас есть. И городские свысока смотрели на «селуков», а «селуки» робко и не сразу входили в жизнь города. Как, кстати, далеко не сразу входит городской житель в сельский устав жизни (если вообще входит).

Но к моменту своей трагической смерти Борис Деревянко был не только вполне городским человеком, но еще и известным человеком, и уважаемым человеком. Его время пришлось на большие потрясения — на Великую Отечественную с ее вынужденным героизмом и чудовищными смертями, его время пришлось на потрясение умов от съезда партии с докладом о культе Сталина. А потрясения эти привели к большим переменам. К большим переменам. Распад Советского Союза — это ведь по характеру и последствиям — Революция. Затронувшая судьбы не только граждан СССР, но и сотен миллионов людей на планете...

В такие переломные моменты истории каждый человек — хочет он того, или не хочет, — должен определить свое место в жизни и — хочет он того, или не хочет, —

определить свою позицию: или голову в песок, и будь, что будет, или «смело мы в бой пойдем», и будь, что будет... Второе — для мужественных людей. Деревянко определился среди мужественных. И к моменту своей гибели был не просто вполне городским человеком, но — известным и уважаемым многими и многими.

Во-первых, вся Одесса знала, что он редактор газеты. Это знали даже те, кто за свою жизнь ни одной газеты не прочитал. Знали, что это тот редактор, который, как и вся Одесса, сильно болеет за «Черноморец». И это была правда. Сильно болел. Настолько сильно, что при каждом остром футбольном событии должен был, просто был обязан разразиться обстоятельной статьей, причем в собственной газете. Последнее обстоятельство не все приветствовали — мол, сам себя публикует. Но болельщики были довольны — наш человек! — даже если и не были в чем-то с ним согласны.

Во-вторых, вся политически активная Одесса видела в нем человека, который не понимает (или понимает, но не принимает) такую важную и практическую формулу счастья, как «моя хата с краю». С ним можно было соглашаться или спорить, но факт, что он и в Верховный Совет СССР пошел, и в Народный Рух записался, а и то, и другое происходило в совсем не спокойное время.

В это неспокойное время Деревянко определил свою позицию и пошел в бой. У всякой драки выбор небольшой — или грудь в «крестах», или голова в кустах. У Бориса Деревянко — пуля в спину.

Одесса была в шоке. Да, это были, как потом несколько лихо их назвали, «лихие девяностые» с бандитскими разборками с летальным исходом. Но там, как правило, «разбирались» бизнесовые интересы. А тут — Деревянко! Где бизнес, а где — Деревянко...

Сохранился номер «Вечёрки», где в числе других и мой крик души. Найти убийцу! Найти и судить!.. Нашли. И судили. Говорили, что следователю, которая «копала» и раскопала, дали охрану — она жила в новом доме на Степовой, угол Госпитальной, там когда-то летний кинотеатр был.

Но убийца оказался не злоумышленником. Он преступник и убийца, это да, но убийство замыслил не он. Он исполнитель, он инструмент, как и его пистолет. Вещдок, только одушевленный. Хотя какая у вещдока душа... А заказчика, то есть злоумышленника, «раскопать» не удалось. А без злоумышленника не узнать и мотива преступления. Так, кажется, утверждают детективы?

Версий ходило множество. Между всем прочим обращали внимание на относительно частые публикации Деревянко по Пароходству. Теперь же, когда от Пароходства остались только фотографии белых пароходов, а партком, по слухам, давно на Кипре, — можно, конечно, думать всякое. Так вот, одна из версий: Борис Деревянко знал больше, чем могли ему позволить высокие покровители Министерства морского флота.

Но тогда, в восемьдесят девятом, когда я нес свою статью в редакцию газеты, только немногие последовательные пессимисты могли предсказать нечто подобное. Тогда в редакции царили надежды на серьезный позитив. Вот-вот, еще немного, и всё переменится, и от нас надо — этому поспособствовать. Еще немного....

Заведующую отделом статья вроде устроила, и мы пошли к замредактора Люде Гипфрих, показаться. Гипфрих, тоже из молодой гвардии шестидесятых, сказала, однако, что без Бориса Федоровича принять решение не может, нужно подождать его возвращения из поездки.

Деревянко приехал, статья была подписана к печати и в августе опубликована. А в декабре — как продолжение темы — дали вторую мою статью. Но у нее появилась преамбула (газета иногда позволяет себе вольности без спроса) — якобы я призываю какой-либо из городских райкомов партии откликнуться на мои публикации.

Преамбула не помогла. Откликов не было как на первую статью, так и на вторую. Не было их и на третью, напечатанную в августе уже девяностого года...

А помните, Людмила Гипфрих не решилась без Деревянко пустить статью в номер? Ведь заместитель! Почему же не заместила?

Нельзя заместить своего руководителя. Можно ему помогать, можно в его отсутствие и решить вопрос — если есть уверенность, что руководитель, будь он на месте, решил бы именно так. Это право руководителя — решать, он ведет, он вождь, он знает, как правильно. Спроси руководителя и сделай, как он скажет. Пока он руководитель...

Все правильно сделала Людмила Гипфрих. И понятно, почему не откликнулись городские райкомы. Потому что не горком, их руководитель (который сверху), выступил со статьей. Рядовой выступил (который снизу). И неизвестно, что горком на этот счет думает. Мало ли что Деревянко захочет напечатать! Подождем...

А чего ждать? Ждать, что скажет руководитель. Руководитель — он водитель, вождь, он знает, как правильно, как он скажет — так и сделаем. А пока он не сказал — подождем!

Недаром, недаром жива поговорка, мол, иди против начальства — что плевать против ветра. Недаром родилась поговорка новая — «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак». И в начальники стремятся не только затем, чтобы деньги загребать, а и затем, чтобы «дураком не быть», чтобы иметь больше свободы, чем те, кто «дурак».

А чего хотел Леон Оников в центральной партийной газете и я, грешный, в провинциальной «Вечерней Одессе»? Мы хлопотали (о, ужас!), чтобы партийная масса (массовый «дурак») на равных с партийными начальниками управляла партийными делами! На всех уровнях! И чтобы это было зафиксировано в Уставе партии!

На равных... Конечно, это не могло восприниматься как прагматичный план. Конечно, это была просто еще одна ступенька в утопической лестнице-мечте вперед, к победе коммунизма. Но как в этом признаться? Так давайте пока промолчим...

Пока — что?

...Советского Союза больше нет. Коммунистической партии Советского Союза тоже больше нет. В Украине нет больше однопартийной системы — есть много партий, от конкуренции которых ожидали просто чуда для страны.

Партий много. Даже очень много. А чуда не случилось.

Говорят, что какую партию ни создай, получается КПСС. Это неправда, это для красного словца говорят, чтобы понравиться критикующей публике. Ни одна из украинских партий даже не приближается к КПСС по стержневым вопросам устройства партии — по наличию целостной программы и стройного устава. Недаром при их упоминании чаще пользуются невнятным словом «проект», чем «партия».

Но что такое партия? Мне кажется, что только когда говорят о помолвленных, что она, положим, составит ему хорошую партию, только тогда имеются в виду грядущие мир и согласие. В остальных же случаях (партия короля и партия кардинала, партия социалистов-революционеров и партия конституционных демократов и т. д.), в остальных случаях речь идет о грядущей борьбе, войне — с целью победить противника. То есть партия это инструмент политических войн за власть в государстве, а то и за власть над другими государствами, как это наблюдалось неоднократно в истории. Результатом таких войн тоже имеются в виду грядущие мир и согласие, только мир на условиях победителя и согласие под страхом исчезновения.

Такой партией была и наиболее нам знакомая коммунистическая партия. Сначала в союзе с другими воинственными партиями она победила царизм в России, затем последовательно победила всех своих союзников по войне с царизмом, затем выстроила партию как союз единомышленников (восемнадцать миллионов единомышленников — какой домовой комитет при каком жэке может таким похвастать?) и, наконец, объявила о блоке коммунистов и беспартийных. И получила безраздельную власть в огромной стране.

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма» — этими словами начинается знаменитый Коммунистический Манифест. Этот призрак обрел реальность в монархической Российской империи, что, по точному замечанию Джона Рида, потрясло весь мир. Святые для миллионов людей на планете слова Свобода, Равенство, Братство всколыхнули сердца и подвигли на поступки. Мир сильно изменился...

А безраздельная власть коммунистической партии в огромной стране, партии, начертавшей на своих партийных билетах еще и другие святые слова «ум, честь и совесть», вывела эту огромную отсталую страну с безграмотным населением в мировые державы, опередив многие из них по научно-техническим возможностям и уровню образования народа.

Но безраздельная и, к тому же, бесконтрольная власть, только что возбудившая в массах небывалый патриотический энтузиазм (особенно проявившийся во время войны с фашистской Германией), эта власть со временем перечеркнула все святые слова и пошла по пути трусливого обмана собственного народа и мирового сообщества, называя черное белым и изощренно применяя жестокие репрессии против любых попыток пролить свет на чудовищное «единство противоположностей» в «первой стране социализма». К чему это привело, всем известно. Якобы незыблемая дружба народов в добровольно распавшемся Союзе Советских Социалистических республик до сих пор демонстрирует плоды лицемерной национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства.

Получается, что партия, созданная для борьбы с насилием какого-либо государственного строя и нацеленная на победу, одерживает эту победу и автоматически порождает довольных победой победителей и недовольных побежденных. И тогда для борьбы с насилием победителей неизбежно зарождается новая партия недовольных для новой и обязательно победоносной войны. И партия, сегодня победившая, а завтра побежденная, ищет причины своего поражения... И так бесконечно? И это природно? Но это не может быть природно!

Мелькнула мысль-шутка — предложить учредить партию беспартийных. Но вот звучат голоса за отказ от партий вообще. Вместе с тем деловито говорят о гражданском обществе в цивилизованном государстве. О гражданском обществе, которое у нас только зарождается. О гражданском обществе, в котором, наверное, всё должно быть природно. И если в природе, как и в обществе, работает закон единства и борьбы противоположностей... И если в природе — хоть это река в берегах, хоть это самка с самцом, — борьба должна завершиться согласием... То и в гражданском обществе борьба противоположностей должна принести не победителей побежденных, а общественное согласие, договор, консенсус. И это было бы природно.

Но и гражданскому обществу понадобится устав. Может быть, стержнем такого устава станет линия «конфликт — коммуникация — компромисс и, как обязательный результат, — консенсус»? Всё может быть, но в любом случае не мешает знать уроки прошлого.

Вышеупомянутый Леон Оников в своих публикациях в «Правде» тех лет употребил слово «трагедия» применительно к КПСС. И причины этой трагедии он связывал прежде всего с уставом партии, который формировался с таким расчетом, чтобы не допустить партийную массу к управлению партией.

Этой проблеме были посвящены и статьи в «Вечерней Одессе», о которых я сейчас вспоминаю и которыелагаю вашему вниманию,уважаемый читатель, если вы готовы углубиться в детали.

ВЕЧЕРНЯЯ ОДЕССА

№ 194, 21 августа 1989 г.

НЕ СОСТОЯТЬ, А РАБОТАТЬ

Еще будут и будут исследоваться пути, повороты, шаги вперед и шаги назад в истории партии, тем не менее об одном можно сказать уже сейчас: многолетняя планомерная и целенаправленная работа по разобщению членов партии, по отлучению рядового коммуниста от решения судей партии и страны, эта «работа» во многом удалась. Не случайно в «Правде» («Почему отстает авангард») Л. Оников пишет: «...именно развитие общественных начал в партии, прямое включение в ее деятельность всех коммунистов — главный вопрос развития внутрипартийной демократии, перестройки всей партийной работы». Сделать это может только первичная организация, но для этого ей самой нужно стать другой.

Партийные комитеты, в свое время взяв на себя функции хозяйственного управления, и первичную организацию ориентировали на решение хозяйственных задач, чему должна была способствовать и структура первичной организации, повторяющая структуру предприятия, колхоза, учреждения. Основа партии, ее фундамент, ее верховная власть — партийная масса, делегировав выбранным комитетам право делать политику, оставила себе обязанность идеологически поддерживать идущие сверху указания и в рамках дозволенного решать текущие вопросы производственной жизни.

Мы все знаем (а кто не знает, тому «Правда» напомнила статьей А. Петрушова) ленинскую формулировку параграфа 1 Устава партии, принятую лишь на III съезде РСДРП: «Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций». То есть в партии нужно работать.

Что мы сегодня понимаем под работой в одной из партийных организаций? Во-первых, работу в выборных органах партии и в ее аппарате, это понятно. Но партийная масса — это рядовые коммунисты. Какую работу делают они?

Недавно снова бросилась в глаза мотивировка то ли партийного взыскания, то ли исключения из партии — «за утрату связи с партийной организацией». Что это значит?

Видимо, то, что вместо «участвовать личной работой», как было обязательно 84 года назад, сегодня достаточно «не утрачивать связь». А это легко достигается посещением собраний. При этом можно посещать, чтобы лишь присутствовать. То есть мы все знаем, что состоять в партии — это значит работать в одной из партийных организаций, но мы еще и уверовали в то, что работать в одной из организаций — это ходить на собрания. Присутствовал, голосовал — значит, работал.

Роль собраний коммунистов велика, недооценивать эту роль нельзя. Но страшно ее переоценить, нельзя превращать средство в цель. Однако сложилась практика, когда основным содержанием работы первичных партийных организаций стала организация проведения партийных собраний. Этому способствовало и утверждение бюрократических подходов к контролю первичных организаций со стороны, как мы говорим, вышестоящих партийных комитетов: проверяющие-то смотрят документы, бумаги. Главные бумаги — протоколы заседаний партийного бюро и партийных собраний... Конечно, мы не сами к этому пришли, конечно, здесь глубокие корни устремлений к трансформации партии в управляемую массу голосующих «за», и это, наконец, стало предметом широкого обсуждения, чего еще не могло быть после XX или XXII съездов партии. Но сейчас, почему сейчас идут в ЦК, в газеты предложения от отдельных коммунистов, от групп коммунистов, и не слыхать о предложениях от первичных партийных организаций? Собрания есть, а писем нет.

В последнее время говорят о необходимости оценить приоритеты в партийной работе.

В частности, предлагается вывести на передний план идеологическую работу по сравнению с организационной. Однако в такой постановке вопроса заложен и ответ на вопрос: выводить вперед идеологию придется организационными все-таки методами.

Думаю, нет альтернативы утвердившемуся в партии территориально-производственному принципу структуры. Однако во внутренней структуре первичной организации этот принцип недостаточен. Да, он позволяет надежно и просто организовать уплату членских взносов, обеспечить оперативное реагирование партийной части трудового коллектива на проблемы этого трудового коллектива, позволяет коммунисту быть примером для товарищества по производству. Это все — важная часть партийной работы, но, видимо, еще не вся партийная работа.

Каждая партия создается для Дела, а идут в нее не просто желающие, но и умеющие (или могущие научиться) это Дело делать: ведь всякое дело требует умения.

Когда тактической целью партии было свержение самодержавия, определились и необходимые для достижения этой цели направления работ. Соответственно и выделились группы членов партии, обеспечивающих эти направления.

Сейчас тактическая цель партии — перестройка нашего общества, очищение социализма от антигуманизма и лженаучности. Что должен уметь, какой профессией должен обладать человек для перестройки?

Кто-то из участников I Съезда народных депутатов СССР сетовал на то, что депутатов рассадили по республикам. Это затруднило контакты с коллегами по основной профессии, затруднило поиски единомышленников. Вот если бы рассказывались не по регионам, а по интересам...

Вот, видимо, то главное, что нужно для перестройки: чтобы у человека был интерес — раз, и чтобы человек был готов его отстаивать — два.

А теперь давайте представим себе, что мы «рассадили» первичную партийную организацию не только по цехам, по бригадам и звеньям, не только по кафедрам и факультетам, но еще и по интересам: направили рядовых коммунистов, «партийную массу», в комиссии по главным, определяющим вопросам современной жизни...

Как вписываются такие комиссии в существующую партийную структуру? Очень легко. При партийных бюро всегда создавались одна-две постоянные комиссии по контролю деятельности администрации. Сегодня — после создания комиссий в ЦК КПСС — комиссий при партийных бюро может стать и больше. Довести их число до необходимого несложно. Коммунисты распределяются по комиссиям — по желанию или по поручению. Это тоже несложно. Партийные группы и цеховые организации при этом сохраняются, но исключительно для организации уплаты членских взносов и для коллективного участия в делах своего цеха. Изменения претерпевает система проведения партийных собраний: собрания партгрупп и цеховых парторганизаций проводятся в исключительных случаях, если этого требует ситуация на участке или в цехе, зато комиссия собирается так часто, как ей это необходимо для работы.

Задачи таких комиссий (будь это комиссия по экономической реформе или комиссия по изменениям в Уставе партии): ставить актуальные вопросы, привлекать специалистов и заинтересованных сотрудников предприятия, партийных и беспартийных (и обязательно комсомольцев); организовывать обсуждение этих вопросов, готовить проект их решения и выносить этот проект на суд первичной партийной организации. (Тогда и собрание первичной парторганизации перестанет быть целью: целью станет решение актуальной проблемы. Собрание же будет средством решения проблемы, оно призвано будет оценить проект конкретного решения, предварительно уже выстраданный целым коллективом заинтересованных людей, коллективом, организованным партийной комиссией.)

То, что организация комиссий не требует ломки существующей структуры, позволяет каждой отдельной первичной организации самостоятельно решить для себя вопрос — создавать ли комиссии, а если создавать, то какие. То есть нет нужды ждать, когда решение будет «спущено сверху».

Что может дать создание комиссий? То, чего нас лишили: объединение для совместной работы. Конечно, при единственном условии — если мы хотим этого объединения и не бежим этой работы.

Ленин, характеризуя партию, определил ее как ум, честь и совесть эпохи. И сейчас от нас ждут не более чем мудрости, основанной на совести и чести. Если мы не смогли сбаться с этой мудростью в цеховых организациях, попробуем сбаться с ней в целевых комиссиях.

№ 282, 8 декабря 1989 г.

ТОЛЬКО НЕ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ!

В русле разговора о партии, который ведется на страницах газеты, считал бы своевременным возвратиться к статье «Не состоять, а работать» («Вечерняя Одесса», от 21 августа), в которой я предложил нетрадиционную структуру партийной организации: каждый коммунист входит в партийную группу и одновременно в одну из проблемных комиссий партийной организации. Цель такой реорганизации: дать возможность коммунистам объединиться для совместной работы — партийной работы в комиссиях. Призываю откликнуться на мое предложение какой-либо райком партии города: давайте попробуем, ведь мы уже убедились, что старые формы не дают ожидаемой отдачи.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ предлагаемой схемы, не новой в своей основе и достаточно простой, как будто не вызывает сомнений. В самом деле, такая реорганизация позволяет коммунистам первичной парторганизации выйти абсолютно на все вопросы, какие только могут их интересовать. Скажем, разработку предложений по изменению Устава партии не может взять на себя та или иная цеховая партийная организация. А если в первичной организации по этим вопросам создана комиссия, то здесь такая работа вполне возможна, тем более что любой коммунист из любой цеховой парторганизации может в эту комиссию войти.

Или проработка экологического паспорта предприятия — как в плане защиты здоровья своих работников, так и в плане защиты среды обитания. Вряд ли это под силу какой-то одной партийной группе. Но если создается комиссия, и она подключает необходимых специалистов, то уж можно надеяться на выработку конкретных предложений.

Еще одна проблема — рациональная расстановка кадров. Данному вопросу партия всегда уделяла внимание, но каждый ли коммунист может участвовать в этой работе? Если появится комиссия — да, каждый, кому это интересно. Или вопросы межнационального общения. Или любые другие вопросы.

Очевидно также, что предлагаемая схема раздвигает не только предметные рамки, но и рамки масштабные. Сейчас коммунисты любой конкретной партийной группы могут непосредственно влиять на что-либо только в пределах своего производственного участка. Вместе с другими партгруппами они могут влиять на решение вопросов в пределах своего предприятия. Но за рамки своего предприятия, будь то контакты с другой парторганизацией или вопросы районного, например, масштаба, — за эти рамки рядовой коммунист непосредственно не выходит.

Если же пойти по пути создания целевых комиссий, то такого рода ограничения сами по себе снимаются: комиссии, как и всякие рабочие образования, не могут не контактировать с аналогичными комиссиями других предприятий, учреждений, с

комиссией районного и других комитетов, они вынуждены получать информацию, консультации и т. д. Получается, таким образом, что предлагаемая структура первичной организации открывает для каждого партийного коллектива новые возможности — дополнительные к тем, которыми коллектив располагает сегодня.

СВЯЩЕННЫЕ КОРОВЫ в Индии — священны все, и каждую, которая устроится посередине шоссе, следует обхехать, обойти, независимо от того, черно-белая она или пегая. Когда корова — «священная корова», с ней все ясно. А вот когда от коровы ждешь молока, тогда, видимо, лишь на ту корову будешь молиться, от которой молоко, да и молоко чтоб не полынное.

Как только первичная организация начнет создавать комиссии, она неизбежно столкнется с тем, что не все коммунисты готовы к конкретной партийной работе.

Состав партии в разное время вызывал различную озабоченность — и самих коммунистов, и беспартийных, на глазах которых партия живет. В конце 50-х годов, затем — второй волной — в середине 60-х эта озабоченность проявлялась в ожидании «чистки» в партии. Как отголоски тех несбытийных надежд, уже в наши дни, особенно перед XX партконференцией, шли настойчивые разговоры об аттестации коммунистов. Но если перевести эти надежды и разговоры в практическую плоскость, то окажется, что реально организовать кадровое оздоровление партии через какие-то специальные мероприятия, видимо, просто невозможно. По крайней мере, невозможно без возврата к «репрессивному мышлению», без новых перехлестов и несправедливостей. Каждый может представить себе специальное собрание или заседание специальной комиссии для деления на «чистых» и «нечистых». Что там должно фигурировать? Какие факты, какие документы, какие свидетельства? Кто судьи, кто истцы, кто ответчики?

В последние годы были попытки разобраться, кто есть кто, через самоотчеты коммунистов на открытых собраниях. У всех они на памяти, эти попытки, — и отчеты о выполнении Устава, и о личном вкладе в выполнение решений, и о личном вкладе в перестройку. Но и это — «разобраться, кто есть кто» — не должно заслонить цель: сделать партию более работоспособной и более авторитетной.

С точки зрения работоспособности первичных партийных организаций обращают на себя внимание два аспекта — возрастной и количественный.

ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ЧАСТЬ партии составляют ее ветераны. Ни для кого не секрет, что многие и многие из них не в состоянии участвовать личной работой. Есть члены партии, кто и взносы не в состоянии уплатить самостоятельно. Партия не из молоденьких, и на это глаза не закроешь.

Следуя логике Устава, нужно было бы думать о выходе из партии тех, кто не может в ней работать. Следуя этой логике, такие предложения выдвигают и сами немолодые коммунисты, и некоторые партийные работники. Оговаривают только морально-политическое оформление такого выхода.

Но можно и иначе подойти к этому вопросу. Партия сегодняшняя и в самом деле по возрастному своему составу не может сравниться с партией эпохи Ленина. Может быть, следует подумать о законном пребывании в партии тех ее членов, кто хочет состоять в партии, но не может в ней работать. И как молодые кандидаты в члены партии, еще только пробующие свои крылья, вступают в партийную жизнь с правом совещательного голоса, так и ветераны партии, уже не могущие свои крылья расправить, выходили бы из боевого строя, оставив за собой звание членов партии, возможность поддерживать партию своими средствами, оставив право быть услышанными, когда у них, у ветеранов, будет в этом потребность. То есть не выход из партии, а — член партии с правом совещательного голоса. И снимаются всякие укоры в якобы отступничестве.

Но ведь и Устав не для того, чтобы его нарушать...

Здесь, видимо, нужно нам трезво оценить, чего мы хотим, что, так сказать, верховнее. Мы уже знаем, что в чем-то жили не по Энгельсу, а по Дюрингу. Знаем, что

строили партию не только по Ленину, но и по Мартову, а то и не по Ленину, и не по Мартову. И в партии не все «участвуют личной работой». Что делать? Конечно, поворачиваться к Уставу, но не по букве только, а — по духу. Дух же в ленинской формулировке первого параграфа заложен в полном соответствии с логикой свободного труда: решения принимает тот, кто будет их выполнять. Потому и важно было уберечь партию от болтунов, зато иметь в ней работников. А если не уберегли или, о чём мы говорим, появились возрастные особенности, то давайте будем реалистами, приспособимся к тому, что имеем в реальной жизни, но сохраним главный принцип: решения принимают те, кому их выполнять. Работаешь в партии — имеешь решающий голос. Не можешь работать в партии, но разделяешь программу и уплачиваешь взносы, — имеешь совещательный голос. Противоречит ли это духу первого параграфа? Думается, что нет, не противоречит.

Второй аспект — взаимосвязь количества и качества. Один из авторов журнала «Политическое образование» Н. Барсуков отмечает (по меньшей мере, с озабоченностью), что за последние 30 лет население страны увеличилось на 37 процентов, а численность партии — почти в 2,4 раза. Люди приходили в партию в разное время и по-разному. И потребность оценить свои силы, свои возможности обнаруживается, видимо, не только у ветеранов. Партия и общество на переломе, изменились проблемы, изменились требования к коммунистам. Эти новые требования каждый должен примерить к себе и выбрать меру своего участия в партийной жизни. Сегодня этот выбор не связан с мерой участия в практической работе и выглядит категорично: или в партии, или вне партии.

Но если мы узаконим «третье положение» — пребывание в партии с правом совещательного голоса, если мы дадим право на такое пребывание каждому и поставим этот вопрос в прямую зависимость от участия в конкретной партийной работе, мы можем получить так необходимую ясность — кто есть работник партии, а кто есть сочувствующий, как говорили когда-то.

Чтобы объединиться, нужно сначала размежеваться — кто не знает этой мудрости! Но межа между членами партии с решающим и совещательным голосом не должна быть жесткой. Каждый, кто считает нужным уйти от активной жизни, должен иметь такую возможность, и наоборот, каждый, решивший, что пришло его время, должен иметь возможность легко включиться в работу.

Такой вопрос — вопрос о праве коммуниста состоять в партии и не работать в ней — решать, конечно, не отдельной первичной организации. Но первичная организация должна знать, как этот вопрос решила сама жизнь применительно к ее членам. И предлагая своим коммунистам работать в партийных комиссиях, первичные организации не должны, видимо, настаивать на том, чтобы в комиссии вошел каждый коммунист. Состоять в партии — дело добровольное, а если работать в партии, то уж никак не по принуждению.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, предлагаемая реорганизация структуры должна быть основана исключительно на добровольном участии коммунистов в тех или иных комиссиях. Только в этом случае она позволит избежать нового вала формализма, только в этом случае абстрактные возможности реорганизации могут конкретно реализоваться. При этом в первую очередь и главным образом речь должна пойти о естественном и быстром включении каждой первичной организации партии в обсуждение и решение проблем, которые, как верно и с тревогой неоднократно отмечено, бурно дебатируются на площадях и в очередях, но не в партийных организациях.

Единственное, чего следует опасаться, так это групповой инерции, «коллективной середины», если можно так сказать. Мы — люди, и обязаны уметь приспосабливаться. И если мы уже притерпелись, притерлись, «умостились», нам лучше бы ничего не менять. И об этом не обязательно специально договариваться, об этом можно условиться молча... Эту опасность «коллективной середины» должны иметь в виду партийные комитеты. Их контроль по форме может оставаться тем же анализом решений партийных собраний. Но появляется новый критерий, по которому может оцениваться продуктивность партийной

работы: партия предложила — народ (трудовой коллектив) принял. Если же первичная партийная организация ничего своему трудовому коллективу не смогла предложить, то ее, видимо, следует если не расформировать, то, по крайней мере, серьезно укрепить.

№ 115, 19 мая 1990 г.

К САМОУПРАВЛЕНИЮ ЧЕРЕЗ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЖУРНАЛ «Диалог» опубликовал уже вторую главу из книги Р. Михельса «Социология политической партии в условиях демократии» (Лейпциг, 1911) — главу, которая носит название «Отношение вождей к массам на практике». Бурный XX век к последнему своему десятилетию не сделал эту книгу менее актуальной, чем она была в первом десятилетии. И вопрос внутренних отношений в партии так и остался вопросом.

ПОЧЕМУ ПАРТИЙНАЯ масса, будучи сама недовольна своей политической дряблостью, не может эту дряблость преодолеть? Почему партийная масса, не желая отвечать за старый партийный аппарат, — позволяет этому аппарату действовать и жить именем партийной массы? Не потому ли, что реальной властью в партии партийная масса не обладает?

В последние месяцы на всех уровнях звучат призывы дать власть партийной массе, призывы эти декларированы и в тексте Платформы ЦК КПСС к XXVII съезду. Закономерным было бы ожидать, что стремление это в первую очередь отразит проект нового Устава КПСС. Как же представлена столь важная линия в проекте Устава?

Он, как и прежде, делит партийные организации на нижестоящие и вышестоящие, при этом, как и прежде, самой нижестоящей остается основа партии — первичная организация. И это вроде бы естественно: ведь районная партийная организация стоит выше относительно первичной, поскольку состоит из коммунистов всех вот таких первичных организаций...

Однако уже здесь кроется подмена понятий, которая логически продолжается далее уже до конца. Ведь если в первичной партийной организации каждый коммунист знает другого в лицо, если первичная организация, собравшись на свое собрание, и представляет собой ту самую партийную массу, о которой идет речь, то о районной партийной организации этого уже не скажешь. Районная партийная организация никогда не собирается вместе и никогда не выступает партийной массой районного масштаба, она всегда представлена выборщиками от партийной массы — делегатами конференции. Это, конечно же, не одно и то же. И Устав, говоря о том, что «...партийная организация, объединяющая коммунистов данной территории, является вышестоящей по отношению к составляющим ее организациям» (п. 17), несколько лукавит. Строго говоря, вышестоящим является партийный орган, избранный конференцией коммунистов данной территории. Орган, а не собственно сама парторганизация территории. Выборный орган со своим аппаратом.

Все расставлено на свои места уже в п. 13 раздела «Внутрипартийная демократия», где говорится, что решения партийных органов обязательны для нижестоящих организаций. То есть здесь идет речь уже не о вышестоящей организации, а лишь об органе, ее представляющем. В этом и состоит правда: власть в партии принадлежит не раздробленной партийной массе, составляющей данную организацию, а партийным органам, избранным этой партийной массой.

Казалось бы, что здесь крамольного? Партийная масса вручает свои властные полномочия своим делегатам, а те, выбирая партийный комитет, делегируют эти полномочия комитету — кстати, на самой что ни на есть демократической основе. Иначе и быть не может, так происходит в любой партии... Но тогда почему же возникает и многократно повторяется призыв передать власть партийной массе? Значит, партийную массу работающая структура не удовлетворяет, и выход видится в какой-то другой структуре?

В ЧЕМ ЖЕ ВИДИТСЯ выход? Как можно реализовать лозунг передачи власти в партии рядовым членам партии? Да и не утопия ли, не демагогия ли такой лозунг, хоть и записан он в Платформе?

Партийная масса, партия не может собираться на новгородское Вече. Можно организовать референдум, но это годится лишь для исключительных вопросов с альтернативой «да — нет». Для тактики это — не форма принятия решений.

Можно попытаться наполнить сегодняшнюю схему другим содержанием. Представим себе обычные выборы партийного бюро или делегатов на конференцию, или членов комитета любого уровня, вплоть до центрального. Но выборы не руководителей для руководства партийной массой (поскольку мы условились, что власть должна принадлежать самой партийной массе), а выборы порученцев. Не вождей, не лидеров, не руководителей, а — порученцев. Незаурядных, способных порученцев, призванных выполнять важную партийную работу: связывать партийные организации — по горизонтали и по вертикали.

Представим себе работу такой конференции. Делегаты собираются, заслушивают и обсуждают подготовленный аппаратом вопрос, но принимают не решение, а лишь его проект. И с этим проектом разъезжаются к своей партийной власти — массе. Там этот проект обсуждается и то ли принимается, то ли отвергается, то ли видоизменяется. Затем делегаты снова съезжаются — уже с конкретными наказами своего непосредственного партийного начальства — первичной партийной организации. Принимается окончательное решение обычным голосованием.

Такой путь — путь прерываемых заседаний и даже Пленумов ЦК — возможен, его уже показывала практика последних лет (а если взглянуть на процедуру международных переговоров, когда делегации каждый раз должны сноситься со своими правительствами, прежде чем принять или отклонить какую-то позицию, то окажется, что такой путь не только возможен, но и неизбежен). Однако приемлем ли такой путь для регулярной деятельности политической партии? Ведь очевидно, что он никак не годится в период скоротечных, революционных перемен, когда промедление может быть смерти подобно. Ну а в наше время, когда поспешность губительна, а обдуманность действий возможна, — годится ли такая челночная схема принятия решений? Видимо, и в наше время она годится лишь для отдельных случаев, но не как система.

Так как же тогда может партийная масса проявить свою власть?

ВОЗНИКАЕТ, однако, вопрос, нужно ли говорить о власти в партии? Ведь партия — не государство. Нужно ли вообще употреблять в Уставе такие понятия, как «вышестоящие», «нижестоящие», «должностные лица», «привлечение коммунистов»...

Партия — по определению своему — **самоуправляющаяся** общественно-политическая организация. И, видимо, не о власти партийных масс следует говорить, а о самоуправлении партийных масс.

Самоуправление немыслимо без самодеятельности. Давайте посмотрим, какой род деятельности отводит проект Устава партийной массе — первичной партийной организации (п. 18): прием в партию и прекращение членства в КПСС, пропаганда и проведение в жизнь идей партии, ее решений... Райкомы и горкомы эту работу первичных организаций координируют, помогают разъяснять политику и решения партии (п. 21). Остается только уточнить, где же политика партии разрабатывается.

Проект Устава лишь один раз упоминает о разработке политики партии, и то только в п. 22, касающемся участия в этой работе краевых, областных и окружных партийных организаций. Видимо, предполагается, что политика партии разрабатывается на самом верхнем этаже партийной иерархии — Центральным Комитетом и его аппаратом с участием представителей краевых, областных и окружных организаций. Первичным же организациям (фундаменту) предоставлена возможность разъяснять политику, но не формировать ее.

Но это ведь никак не похоже на самоуправление. Вряд ли на основе партийного товарищества (см. п. 6 проекта) могут так разграничиваться функции равноправных членов партии. Видимо, стремясь к самоуправлению, нужно стремиться к такой самодеятельности, когда партийная масса сама (самодеятельно) определяет свою политику и сама ее реализует. Но возможно ли это?

ПОСМОТРИМ ЕЩЕ РАЗ проект Устава. «Партийные органы образуют постоянные комиссии по основным направлениям работы, а также создают временные комиссии и рабочие группы и используют другие формы...» (п. 8). «В необходимых случаях могут создаваться советы секретарей парторганизаций, партийные клубы, теоретические семинары, дискуссионные центры и другие формы...» (п. 17). То есть проект Устава предполагает, наряду с наличием вертикальной структуры партии (первичная — районная — городская и т. д.) еще и некие горизонтальные структуры — комиссии, советы, клубы.

Посмотрим далее п. 31. «В ЦК КПСС создаются постоянные комиссии по основным направлениям его деятельности». Не это ли механизм деятельности и управления? И не здесь ли следует искать универсальный ключ к самодеятельности и к самоуправлению?

Я возвращаюсь к своим заметкам, опубликованным «Вечерней Одессой» 21 августа и 8 декабря прошлого года, к комиссиям первичных партийных организаций. Если: иметь постоянные комиссии по основным направлениям деятельности партии в ЦК КПСС (как это предусмотрено в проекте Устава); иметь такие комиссии в ЦК компартий республик, на уровне краев, областей, округов, на уровне городов и районов, поселков и селений; иметь такие комиссии в каждой первичной организации партии (параллельно с партийными группами).

Если: в комиссии первичных организаций войдут коммунисты, которые могут и хотят не только состоять в партии, но и работать в ней по одному из направлений ее деятельности; эти комиссии выберут своих секретарей, которые, представляя свои комиссии, составят комиссии следующего (районного) уровня, и так до комиссий ЦК КПСС, секретари которых составят Секретариат ЦК.

Если: заботой комиссий станет организация демократической постановки, изучения и обсуждения проблем, волнующих людей (будь это коллектив предприятия или население региона); задачей комиссий всех уровней станет подготовка компетентных рекомендаций Советам (от совета трудового коллектива до Верховного Совета СССР).

Если это произойдет, то станет реальным требование пункта 1 Устава к члену партии — работать в одной из ее организаций; партийные организации смогут определить свои ряды по простому критерию — «работаешь в партии — не работаешь в партии»; рядовые члены партии будут иметь возможность формировать политику партии и формировать структуру партии с учетом этой сформированной политики; самое главное: членство в партии обретет, наконец, свой изначальный смысл — быть полезным своему обществу.

ДО СЪЕЗДОВ Компартии Украины и КПСС осталось немного. Наши делегаты увезут с собой многие предложения одесских коммунистов, в том числе и по проекту Устава. Хотелось бы, чтобы в поле зрения делегатов попали и высказанные здесь предложения.

Вместе с тем полагаю, что комиссии первичных партийных организаций должны создаваться и работать уже сейчас. Время идет, а бездействующие армии не побеждают. Та часть партии, которая сохранила уважение к идеалам расстрелянной партийной массы, должна делом подкрепить свое желание восстановить веру в прогрессивную устремленность марксистской партии. Работа в комиссиях, аналогично работе в депутатских комитетах и комиссиях, может стать результативной формой перестройки акцентов партийной работы.

ОГЛЯНУТЬСЯ СООБЩА

На просьбу редакции газеты "Вечерняя Одесса" к читателям поделиться мнениями эта статья готовилась как статья-мнение, но не была опубликована.

Если кто и пропустил размышления Б. Деревянко "Оглянуться без гнева", то он их прочел после выступления М. Мясковского "Оглянуться на факты". Всем хороша статья М. Мясковского, не домыслы нужны, а факты, не недомолвки, а ясность. «...недомолвка, — пишет автор, — оставляет читателю широкий простор для домысливания».

Конечно, слово всегда беднее мысли и чувства, словом всего не передашь. Потому и приучены мы читать не только в строках, но и между ними. Ну что такого сказал в апреле на Пленуме ЦК КПСС преподаватель ВПШ А. Ночевкин? Высказал мнение, что, возможно, следует относительно изменений в составе ЦК посоветоваться с коммунистами всей страны через первичные партийные организации. А на очередном Пленуме — решить процедурные вопросы. Только и всего. А как понял его почетный директор ИАЭ им. И. В. Курчатова А. Александров? Вот что он сказал: "И я просил бы ни в коем случае не следовать тому предложению, которое было сделано вторым из выступающих (имеется в виду А. Ночевкин. — Л. Л.). Я не знаю — товарищ хотел откатить это дело куда-то через все партийные организации и т. д. Это значит похоронить дело. Коли вам не хочется подписывать, скажите об этом прямо. Только не разводите вокруг этого канитель». Вот что значит недомолвка, оставляющая простор для домысливания.

Однако — признаюсь — мне очень импонирует это предложение — посоветоваться с коммунистами всей страны через первичные партийные организации.

Вот, например, М. Мясковский в упомянутой статье, комментируя размышления Б. Деревянко о беседе с «одним идеологом» и заодно квалифицируя эти размышления как «игру на национальных чувствах», говорит: «Назвать фамилию, надо полагать, журналиста тоже кое-что сдержало, а именно, впоследствии, вполне вероятно, пришлось бы объясняться за оскорбление личности, если факт бездоказателен». Что это значит?

Почему "оскорблении личности"? Да потому, что "факт бездоказателен".

А не пойман — не вор. Вот и приехали...

А вор — он ведь вор и есть. Хоть и не пойман: беседы, о какой писал Б. Деревянко, не стенографируются, как пленумы обкома. Значит ли это, что нужно о них молчать? По М. Мясковскому получается: или назови фамилию и принимай ответственность за оскорбление достойной личности, или — подпиши, что эту встречу с "одним идеологом" ты сочинил — например, для игры на национальных чувствах.

Мне, например, не верится в подобные сочинительские способности члена бюро горкома Б. Деревянко. Но М. Мясковский, когда писал, со мной не посоветовался, как и с моей первичной организацией тоже.

Не советовался и Б. Деревянко, когда в интервью газете "Советская культура" употребил для оценки депутатской тактики и депутатского такта первого секретаря обкома выражение "использование служебного положения". Такие слова мы привыкли видеть рядом с "в корыстных целях", " злоупотребление", а здесь ведь речь шла, по словам самого Б. Деревянко, совсем о другом. Стало быть, и выражения следовало выбирать другие.

Представил себе на мгновение, что в моей первичной организации — собрание, на которое пришел Г. Крючков посоветоваться по тексту своего письма в "Советскую культуру" — единственного способа отреагировать на интервью Б. Деревянко, "порочащее, оскорбляющее... достоинство как гражданина, коммуниста, партийного работника и депутата". Что бы я предложил записать в решение такого собрания? Ну, например, рекомендовать коммунисту Г. Крючкову не воспринимать интервью как порочащее и оскорбляющее. А коммунисту Б. Деревянко, допустим, воздержаться от публичных колкостей до согласования с данной, например, первичной организацией. Как это у А.

Ночевкина на Пленуме? "...посоветоваться с коммунистами ... через первичные партийные организации".

Однако не советуются товарищи с первичными. Отчего же?

Отчего консультант Отдела партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС В. Легостаев, опубликовав недавно в "Правде" серьезнейшую статью "Интеллектуальное достоинство партии", заключил ее следующими словами: "...необходимо, видимо, оговориться, что содержание настоящей статьи отражает только личный подход автора к проблемам..." Отчего понадобилась ему такая оговорка?

Мы часто говорим — «поставить с ног на голову». Присмотримся — не стоим ли мы на голове?

Бюро городского комитета партии устами В. Хмельнюка считает важнейшим поручением партийным организациям города развитие движения "Каждой первичной — конкретное дело". Понятно. Городской комитет дает поручение первичным парторганизациям. А какие поручения партийные организации города дают городскому комитету? Должны же они давать своему горкому поручения в перерыве между конференциями. Не стоим ли мы на голове?

Что произойдет, если не состоится очередное собрание первичной партийной организации? Заметят ли это в райкоме, в горкоме? Нет. А что будет, если сорвется отчетно-выборное собрание? К этому отнесутся как к чрезвычайному происшествию. Отчетно-выборное собрание должно выбрать свое непосредственное партийное руководство и выдвинуть делегатов на конференцию для выборов комитетов следующего уровня. Поэтому такое собрание состоится обязательно. Все остальные собрания первичных организаций могут быть, могут не быть, могут быть формально — партийные комитеты легко обходятся без них. Они живут своей напряженной жизнью. Но приходят очередные выборы, и опять все взгляды обращены к первичной организации. Не затем, чтобы советоваться. Большинству комитетов она нужна постольку, поскольку только она формирует эти партийные комитеты своими голосами. Как только комитеты сформированы, нужда в первичных организациях отпадает. Автоматически. Мы все, как один, переворачиваемся с ног на голову.

На руках еще можно ходить. На голове можно только стоять. На месте.

Мы были союзом единомышленников, организованных в партийные коллективы — ячейки. Нас последовательно, изощренно и потому весьма успешно разобщали. Я не хочу здесь говорить о сегодняшней степени единомыслия (это главный предмет забот первичных организаций). Я хочу только сказать, что мы — союз одиночек. И честный В. Легостаев считает своим долгом предупредить, что его выступление "отражает только личный подход автора". Чтоб не подумали, не дай бог, что весь отдел ЦК думает так, как думает его консультант.

Газета просит читателей поделиться своим мнением. Газета не забывает о своем назначении быть коллективным организатором. Давайте тогда назовем приоритеты: организовывать сегодня нужно первичную партийную организацию.

Какая первичная организация Одессы обсуждала прозвучавшие на апрельском Пленуме комментарии к выступлению М. Захарова в программе "Взгляд"? Какое принято решение? Какая парторганизация Одессы обсуждала факт отсутствия в Призывах ЦК упоминания о социалистическом соревновании? Какое принято решение? Что говорит парторганизация юрфака университета по поводу статьи "Оглянуться без гнева"? Что говорит парторганизация 1-го механического цеха ЗОРа относительно статьи "Оглянуться на факты"? Что скажут партийцы СКБ "Кинапа" и "Индпошива", если областные газеты объединятся в одну и будут выходить на русском и на украинском? А может, и на болгарском? И так по любому вопросу — что скажет партийная ячейка?

Партия — в первичных партийных организациях. Сильная партия — здесь. Слабая партия — тоже здесь. Здесь партия вчерашнего дня, здесь надежда на партию завтрашнюю. Комитеты же — ее порученцы. Компетентные, доверенные, высоко ценимые порученцы,

шагу не делающие, не посоветовавшись с партией. Сумеем это понять — встанем на ноги, а встанем на ноги — так и пойдем.

Оглядываться необходимо — без гнева и с гневом, на факты и на недомолвки. Оглядываться и глядеть вперед. Только не поодиночке, а сообща. Коммунист к коммунисту — ячейкой-организацией. Ячейка к ячейке — партией. В утверждении этого подхода и вижу главную задачу газеты одесской городской парторганизации.